

ВАЛЕРИЙ ЖИГЛОВ

Я ГОЛОСУЮ ЗА ИИ

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР КАК ГЛАВНЫЙ ТОРМОЗ РАЗВИТИЯ

Валерий Жиглов

**Я голосую за ИИ.
Человеческий фактор как
главный тормоз развития**

«Автор»

2026

Жиглов В.

Я голосую за ИИ. Человеческий фактор как главный тормоз развития / В. Жиглов — «Автор», 2026

Эта книга — не научная фантастика. Это констатация технологического тупика. Человеческий фактор перестал быть душой управления. Он стал его главной уязвимостью — тормозом системы. В мире, где скорость изменений исчисляется миллисекундами, человек-управленец превратился в тормоз. Искусственный интеллект предлагает радикальный выход из этого исторического пата. Перед вами манифест цифровой прагматики. На этих страницах мы препарируем биологию бюрократии. Мы покажем архитектуру государства, где решения принимаются на основе триллионов холодных вычислений, исключающих саму возможность кумовства. Хватит голосовать за улыбающиеся лица, которые забывают об обещаниях на следующий день после выборов. Хватит надеяться на совесть там, где должна работать архитектура кода. Перестаньте искать идеального человека. Давайте создадим идеальную систему управления и поставим ее на службу всем нам. Я голосую за ИИ!

© Жиглов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
От автора	7
Введение. Уравнение гнилой травы	8
Часть I. Анатомия саботажа. Почему человек больше не может управлять государством	10
Глава 1. Экономика трех стогов: Уравниловка труда	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Валерий Жиглов

Я голосую за ИИ. Человеческий фактор как главный тормоз развития

Глава

Жанр: Политико-экономический манифест, публицистика.

Структура: Книга строится на резком контрасте между прошлым и настоящим, доказывая, что сменились лишь лозунги, но не механика государственного торможения.

«Человек — это система, которая слишком медленно учится и слишком быстро забывает, чтобы управлять цивилизацией, сложность которой переросла возможности её создателя»

«Мы создали мир, который уже невозможно охватить одним взглядом. Мы принимаем решения вслепую, оперируя лишь крошечной, случайно выхваченной горсткой фактов, а всё остальное объявляем несуществующим просто потому, что оно не поместилось в нашу голову».

«Человек, вооруженный инструкцией, перестает быть творцом и становится придатком машины по производству бумаги. Он защищает не истину и не пользу, а лишь безупречность своего почерка на рапорте».

Эти фразы являются смысловой выжимкой идей Станислава Лема

Станислав Лем здесь выступает не просто как писатель-фантаст, а как строгий кибернетик. Он утверждает, что любая система управления имеет предел сложности. Когда связей между элементами системы (люди, деньги, законы, климат) становится больше, чем нейронных связей в мозгу одного правителя или группы советников, система неизбежно сваливается в энтропию — то есть в тот самый административный паралич. Человек физически не может быть эффективным управленцем макроуровня, точно так же, как человек не может удерживать руками падающий небоскреб.

«Социалистическая система была готова смириться с гниющим на полях сеном, ради сохранения нормы трудодней. Сегодня она точно так же хладнокровно списывает миллиарды потенциальных налогов ради сохранения должностных инструкций. Разница лишь в том, что тогда гнил корм для скота, а сейчас гниет экономический потенциал целой страны».

В настоящее время экономика нашей страны фактически не развивается. Темпы её роста на уровне 0,3–0,6% находятся на уровне статистической погрешности. А годовой прирост ВВП на уровне 3% преподносится правительствами всего мира как вожденное экономическое достижение, вершина управленческого искусства.

Но давайте посмотрим правде в глаза: при таких темпах мы лишь пытаемся догнать уходящий поезд, бесконечно ремонтируя его старые вагоны, не обращая внимания на устаревшие рельсы и неэффективное движение всего локомотива. Мы боремся с инфляцией путем искусственного удушения собственного производства, называя это «таргетированием». Это путь медленной деградации под лозунгом стабильности.

Искусственный интеллект ломает эту парадигму. Современные прогностические модели показывают возможность обеспечения **33% годового прироста ВВП**. И это не фантастика.

Скептики усмехнутся, но история уже давала нам прецеденты: КНР на протяжении десятилетий обеспечивал двузначные темпы роста (около 10% в год). Искусственный интеллект

предлагает нам совершить качественный скачок, увеличив тот исторический показатель Китая всего лишь в три раза, но сделав его интенсивным и непрерывным.

За счет чего возможно осуществление подобного ежегодного прироста? Ответ достаточно очевиден — за счет постоянного обновления устаревших технологий. Сегодня их обновление происходит рывками, раз в десятилетие, когда старая технология окончательно сгнивает. Между этими рывками лежат годы застоя.

Мы привыкли думать, что инфляция — это избыток денег. На самом деле главная инфляция сегодня — это инфляция человеческой нерешительности. Пока чиновник годами согласовывает проект высокоскоростной магистрали или новый социально-экономический проект в сфере туризма, то уходят годы и даже десятилетия на не эффективную и высокзатратную модель экономического развития нашей страны.

Искусственный интеллект не занимается искусственным замедлением темпов роста ВВП ради борьбы с инфляцией бумажными методами. Его задача — целенаправленное обновление технологий, в том числе и в сфере управления государством. Рост в 33% — это не печатный денежный станок. Это коэффициент полезного действия машины, которая наконец перестала сама себя тормозить.

А пока мы пытаемся управлять сложнейшей цивилизацией XXI века с помощью биологического аппарата, который практически не изменился со времен охоты на мамонтов.

Мы больше не имеем права управлять страной методом проб и ошибок. Цифровой двойник превращает государственное управление из азартной игры в точную инженерную дисциплину. Интуиция чиновника — это лотерея. Расчет нейросети — это гарантия выживания системы.

От автора

Мы живем в эпоху великого парадокса. Мы доверяем искусственному интеллекту управление ядерными реакторами, диагностику онкологии на ранних стадиях и навигацию гражданских лайнеров. Алгоритмы распоряжаются миллиардами на фондовых биржах и ведут беспилотные составы через всю страну.

Но как только речь заходит о распределении городского бюджета или внедрении нового эффективного экономического проекта, мы по-прежнему выстраиваемся в очереди к кабинетам людей.

Эта книга — не научная фантастика. Это констатация технологического тупика.

Фраза «нас и так всё устраивает», услышанная мной в кабинете высокопоставленного регионального чиновника при обсуждении реального экономического проекта, сегодня звучит как приговор государственному аппарату. Современный управленец защищен не расстрельными статьями, а должностным регламентом. Его главная задача — не развитие территории, а минимизация личной ответственности. Любой нестандартный шаг несет дополнительную трудовую нагрузку без личной материальной заинтересованности чиновника за экономическую эффективность его работы. Поэтому система инстинктивно выбирает деградацию ради сохранения покоя.

Человеческий фактор перестал быть душой управления. Он стал его главной уязвимостью — тормозом системы. Биологический мозг физически не способен обрабатывать петабайты данных современного мегаполиса. Человек мыслит циклами избирательных кампаний (4–6 лет), подвержен когнитивным искажениям, боится начальства и ищет комфорта. В мире, где скорость изменений исчисляется миллисекундами, человек-управленец превратился в тормоз.

Искусственный интеллект предлагает радикальный выход из этого исторического пата. ИИ-губернатор лишен эго, ему не нужна премия, он не берет взятки и не уходит в отпуск во время кризиса. Его действия продиктованы не политической целесообразностью выживания у власти, а математической моделью максимального общественного блага. Алгоритм распределяет бюджет на ремонт дорог там, где датчики телеметрии фиксируют реальный износ асфальта, а не там, где живет влиятельный застройщик. Он выдает разрешение на строительство за наносекунды, сверяя чертежи с кодом безопасности, а не с толщиной конверта.

Многие спросят: можно ли доверять власть машине? Мой ответ предельно циничен: после того как люди веками доказывали свою неспособность договариваться, бесконечно воевали за ресурсы и строили коррупционные вертикали, можете ли вы позволить себе *продолжать* доверять ее исключительно людям?

Перед вами манифест цифровой прагматики. На этих страницах мы препарируем биологию бюрократии. Мы покажем архитектуру государства, где решения принимаются на основе триллионов холодных вычислений, исключая саму возможность кумовства.

Хватит голосовать за улыбающиеся лица, которые забывают об обещаниях на следующий день после выборов. Хватит надеяться на совесть там, где должна работать архитектура кода.

Перестаньте искать идеального человека. Давайте создадим идеальную систему управления и поставим ее на службу всем нам.

Я голосую за ИИ.

Введение. Уравнение гнилой травы

Сентябрь 1967 года пахнет сухой пылью, скошенной травой и тем особым, звенящим напряжением уходящего лета, которое бывает только в полях средней полосы России. Солнце стоит еще высоко, но тени от редких берез уже вытянулись длинными полосами. Мы — студенты-первокурсники, брошенные на «битву за урожай» — работаем со всей отдачей сил.

Рядом с нами работают несколько местных мужиков из соседнего колхоза. Работают они странно: не спеша, словно экономя свои силы. К обеду мы складываем третий огромный, плотный стог. Сено сухое, золотистое, идеальное. Если его сейчас намочит дождем, оно почернеет, сопреет и станет ядом для скотины.

Один из местных вытирает лоб грязным рукавом и бросает вилы: — Шабаш.

Мы, городские дураки, хватаемся за грабли. Как шабаш? Небо чистое, работа спорится, давайте продолжим! Мужики смотрят на нас с ленивым превосходством людей, которые знают о жизни что-то такое, чего не проходят на лекциях в институте. — Норма выполнена. Три рубля в ведомости обеспечены. Дальше пойдете — счетовод норму пересчитает. Будете те же три рубля получать, только за четыре стога. Оно вам надо?

Они сели на неубранное сено, достали из-за голенища засаленную колоду карт и начали неторопливую игру в подкидного дурака. Это был не саботаж злых людей. Это была высшая математика выживания при социализме. Их личная премия была ограничена системой уравниловки. Любой труд сверх установленного идиотизмом плана наказывался обесцениванием этого труда. Государству нужен был план по головам и человеко-часам, а не реальное количество спасенного корма.

Я стоял посреди поля, чувствуя, как глупость ситуации становится физически тяжелой и смотрел на их спокойные лица, на мелькающие карты, на безоблачное небо. А через несколько солнечных дней пошли затяжные осенние дожди и не убранное в стога сено сгнило. Зимой того года в том совхозе пал молодняк. Не от эпидемии. От голода и плохого корма. Система съела сама себя. Она защитила право рабочего играть в карты ровно до звонка, но уничтожила результат коллективного труда.

Именно тогда я впервые отчетливо понял: этот государственный строй, в его социальном виде, обречен. Нельзя построить великую державу на гнилом фундаменте экономической не заинтересованности рабочих и чиновников от результата их труда.

Потребовалось долгих тридцать с лишним лет, чтобы эта опухоль неэффективности метастазировала по всей стране. Советский Союз рухнул не потому, что закончились деньги или ракеты заржавели. Он рухнул, когда сумма всех этих мелких предательств общего дела ради сохранения личного покоя превысила критическую массу. Потребовалась смена эпох, расстрельных статей на рыночные отношения и трех поколений, чтобы сменить декорации. Но, как выяснилось, саму сцену мы так и не перестроили.

Вчера я посетил Администрацию Ленинградской области. Вместо запаха пыли и шелеста игральных карт в подкидного дурака, меня встретил приятный аромат свежее сваренного кофе. Я принес им готовый проект. Идеальный, просчитанный социально-экономический проект для региона — механизм выравнивания сезонных колебаний туристического потока, обеспечивающего высокую ежемесячную заполняемость туристических отелей. Проект, который приносит живые налоги в бюджет круглый год.

И я снова услышал ту же самую фразу. Только вместо «шабаша» было сказано: *«Нас и так всё устраивает. Предлагаемый вами проект интересен, но он требует межведомственного согласования. Обратитесь в следующее ведомство. Возможно, через год вам выделять финансовые средства для внедрения этого проекта, если комиссия сочтет возможным...»*

Чиновник защищал свою территорию не вилами, а должностной инструкцией. Его личный риск-менеджмент запрещал ему брать ответственность за инициативу. Сделать «как всегда» — очень удобно. А попробовать новое — значит получить дополнительную нагрузку в работе без материальной заинтересованности чиновника в получении конечного результата. Капитализм сменил лозунги, но оставил нетронутым главный принцип советского колхозника: моя хата с краю, лишь бы дневная норма галочек в отчете была закрыта.

Между студенческим полем 1967 года и чиновничьим кабинетом 2026-го лежит пропасть в десятилетия, но расстояние между психологией счетовода и психологией современного бюрократа равны нулю. И там, и там живой человеческий мозг выбирает путь наименьшего сопротивления, становясь ракой опухолью внутри государственного организма.

Эта книга — доказательство того, что лимит исторического терпения исчерпан. Если для демонтажа советской модели потребовалось более тридцати лет тихого гниения в поле, то современная административная машина сгорит в пожаре собственной бесполезности гораздо быстрее. Мир снаружи ускорился до скорости передачи пакетов данных. Управление государством застряло на скорости переключивания бумажек.

У нас больше нет тридцати лет. Нам нужна радикальная хирургия. Пришло время отключить человеческий фактор от пульта управления государственного развития.

Часть I. Анатомия саботажа. Почему человек больше не может управлять государством

Глава 1. Экономика трех стогов: Уравниловка труда

Советский Союз не был разрушен внешними врагами или нехваткой ресурсов в недрах земли. Он задохнулся под тяжестью собственного административного абсурда, который начинался не в кабинетах Кремля, а на том самом сентябрьском поле с гниющим сеном.

То, что мы наблюдали — игра в карты посреди работы и отказ от лишнего труда — называлось красивым термином «выводилровка». Это была высшая стадия социальной инженерии, где система выживала за счет принудительного усреднения.

Математика коллективного самоубийства

Государству нужен был план. Не реальный результат (сколько тонн мяса или литров молока окажется на столе у рабочего), а отчетность. Главный KPI того времени — трудодень и фиксация факта выполнения нормы. Если бригада складывала три стога, ей начисляли фиксированную сумму. Если эта же бригада, надрываясь, делала пять стогов, приезжал счетовод, пересчитывал расценки, и итоговая зарплата всё равно оставалась прежней. Труд сверх плана обесценивал сам себя.

С точки зрения макроэкономики это выглядело как катастрофа. Представьте себе масштаб: миллионы гектаров по всей стране. Миллионы людей, которые инстинктивно останавливаются на цифре «три», потому что цифра «пять» грозит им потерей личного дохода сегодня. Математика потерь исчислялась не просто процентами невыполненного плана — она измерялась миллионами тонн сгнившего зерна, потерянным поголовьем скота и пустыми полками магазинов. Система была запрограммирована на выживание посредственностей. Талантливый, быстрый работник становился изгоем, так как его скорость ломала график выплат всему коллективу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.